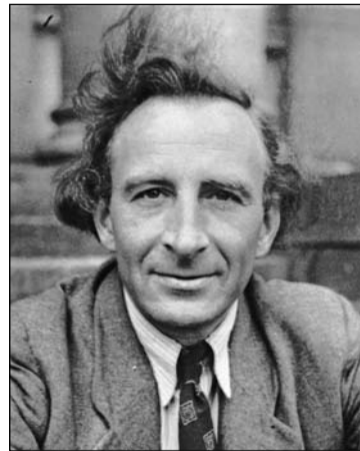

НАУКА УРАЛА

ИЮНЬ 2020

№ 11 (1214)

Газета Уральского отделения Российской академии наук
выходит с октября 1980. 40-й год издания

Остановка
улицы
Зубра

– Стр. 4–6

Перекрестки истории

ОСТАНОВКА УЛИЦЫ ЗУБРА

15 лет назад в плане активно застраиваемого микрорайона города Екатеринбурга Академический появилась улица имени Н.В. Тимофеева-Ресовского — крупнейшего русского генетика XX века, ярчайшей личности, героя культовой повести Даниила Гранина «Зубр», часть жизни работавшего на Урале, о котором не раз писала наша газета. Полтора десятка лет сомнений в правильности такого выбора названия не возникало. И вот теперь, когда улица обретает жилой вид, на ней выросли многоэтажки, в них селятся люди, название это... исчезло. Точнее, как сообщает уже и автонавигатор, она превратилась в улицу академика Парина. 18 марта вышло соответствующее постановление номер 525 за подписью главы города, в котором слова «переименование» нет, но смысл которого именно в этом. Что вызвало не просто удивление, но искреннее возмущение десятков авторитетных ученых и других уважаемых людей, и не только в России. В мэрию, в Академию наук, в различные СМИ, самому президенту страны потекли негодующие петиции, статьи, открытые письма, достойные внимания хотя бы потому, что раньше такого неравнодушия научной и культурной общественности к названию улицы не отмечалось, пожалуй, никогда. Но прежде чем к ним обратиться, попробуем понять: что же произошло? Чем академик Парин, замечательный советский физиолог, переиграл на топонимическом поле уральской столицы знаменитого Зубра?

ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИИ

Вот какую хронологию предшествовавших переименований событий отследил Сергей Куликов, кандидат медицинских наук, доцент Уральского медицинского университета, у истоков которого стоял В.В. Парин, сын ученика и уральского преемника Н.В. Тимофеева-Ресовского Н.В. Куликова. В декабре 2018 года Нина Садькова, сотрудница Института экологии растений и животных УрО РАН (в прошлом Институт биологии УФАИ СССР, где в 1955–1964 годах Зубр заведовал отделом биофизики) от лица коллег обратилась в мэрию с ходатайством исправить неточность на появившейся вывеске над автобусной остановкой близ улицы, убрав с нее слово «академик», поскольку академиком АН СССР Тимофеев-Ресовский никогда не был. Что полностью соответствует действительности. Добавим: он не имел даже диплома о высшем образовании, полученном в Московском университете в пред- и послереволюционные годы (как отмечает Даниил Гранин в своей повести, «многие тогда считали дипломы никому не нужной формалистикой, пережитком прошлого...»), а уехав из России в Германию в 1925 году и вернувшись в 1945-м, не стал и советским кандидатом наук, уже в Свердловске по совокупности заслуг сразу защитил докторскую. Правда, по той же самой совокупности, был избран действительным членом Германской академии

естествоиспытателей Леопольдина в Галле (ГДР), почетным членом Американской академии искусств и наук в Бостоне (США), Итальянского общества экспериментальной биологии (Италия), Менделеевского общества в Лунде (Швеция) — список можно продолжить. А в 1965 году его наградили Кимберовской премией — в то время аналогом Нобелевской для биологов и генетиков. Следовательно, по международному счету на академическое звание, как и на статус одного из крупнейших ученых планеты, он имеет полное право. Не случайно 2000 год по инициативе ЮНЕСКО был объявлен годом Тимофеева-Ресовского. Тем не менее по нашим традициям неточность действительно присутствовала: в России академик прежде всего — академик Российской академии, что легко можно было изменить, убрав из названия титул. Однако тогда городская комиссия по топонимике, рассмотрев обращение, никаких новых решений не приняла, и вопрос, что называется, повис в воздухе — в том числе и для новоселов улицы, которым, естественно, необходим конкретный адрес. Вскоре в нескольких СМИ появились публикации, в основном анонимные, о «неоднозначности роли Тимофеева-Ресовского в истории», а затем вышло и названное постановление.

То есть главной причиной его появления стала эта самая «неоднозначность роли», а именно — то, что всю Вторую мировую войну Тимофеев-Ресовский провел в фашистской Германии, занимая там

«неизвестно чем» и остался цел и невредим. Но об этом было прекрасно известно и пятнадцать лет назад, и раньше. И об этом мучительно размышляет Даниил Гранин, фронтовик, кавалер орденов и других высших наград СССР и России, в повести «Зубр»: о том, почему ученый не вернулся на родину в конце тридцатых, когда у нас топтали генетику, а его братьев расстреляли («Куда бы он ни приезжал, он привык чувствовать себя представителем советской науки, русской науки, он наращивал ее славу, он пропагандировал работы своих учителей и товарищей. Теперь же все зашаталось, накренилось... Решение Зубра не возвращаться — поступок или самосохранение? Можно ли требовать от человека самоубийства? И если человек отказался шагнуть в пропасть, то поступок ли это?»; о том, как ощущал он себя, оказавшись в логове гитлеризма («Что-то точило и грызло его душу в те годы. Было ему, видно, несладко...»); о том, как, сам будучи защищен высочайшим научным авторитетом, спасал людей от преследований и концлагерей (из приведенного в повести письма президента Академии сельскохозяйственных наук ГДР Ганса Штуббе академику Энгельгардту: «С полной ответственностью утверждаю, что Тимофеев-Ресовский постоянно был на стороне антифашистов»). Есть там и эпопея с несостоявшимся членством Зубра в АН СССР, логичность которого была очевидна для многих, но боролись за которое лишь избранные смельчаки. Резюме — «С Академией ничего не получилось. Кандидатуру его не допустили до выборов. Начальство убоялось. И с начальством спорить тоже убоялись». В условиях самоизоляции я перечитал повесть Даниила Гранина, в свое время взбудоражившую умы советской интеллигенции, и еще раз убедился: это одна из лучших художественно-

документальных работ нашей литературы вообще. И о русском характере, долге ученого, масштабе личности, способной сохранять себя и помогать другим в самых катастрофических обстоятельствах, — в частности. Советую сделать то же самое всем.

Кроме беллетристики, есть юридическое ниспровержение чудовищных ярлыков рядом с именем Тимофеева-Ресовского. Источники свидетельствуют, что после возвращения в СССР в 1946 году (хотя со своим авторитетом и заслугами он легко мог уехать в США или остаться в Германии, что ему и предлагалось) Военная коллегия Верховного суда РСФСР приговорила его к 10 годам лишения свободы по обвинению в измене Родине. В 1955-м судимость сняли, но (казуистика времени) без реабилитации. Вернулись к этому вопросу уже после его смерти, по ходатайству сына Андрея, в 1987-м. Причем в первый раз военная прокуратура отказала «в связи с отсутствием оснований». И лишь после дополнительного расследования Следственного управления КГБ СССР, не подтвердившего состав преступления, в 1992 году, уже после распада Советского Союза, Верховный суд РФ полностью реабилитировал ученого. И это решение нынешним оппонентам сохранения памяти о нем следует как минимум уважать.

АРГУМЕНТЫ ПЕТИЦИЙ

Теперь — собственно цитаты из обращений в защиту улицы Тимофеева-Ресовского, полный текст которых уже занял бы небольшую брошюру, причем число их множится.

Вот что, в частности, пишут об уральском периоде жизни Зубра, и соответственно, о закономерности увековечивания его имени в Екатеринбурге, бывшем Свердловске, доктор географических наук, зав. сектором Института экономики УрО РАН Владимир Литовский и Сергей Куликов: «В течение

20 лет Тимофеев-Ресовский работал на Урале, сначала в системе Средмаша в «Лаборатории Б», где возглавлял Биофизический отдел. Тогда, еще до первых радиационных инцидентов и «Кыштымской катастрофы» 1957 г. он решил важнейшую задачу защиты территорий от радиационного загрязнения за счет депонирования радиоактивности стоков предприятий атомного промышленного комплекса специальными каскадами водоемов с соответственно подобранной биотой. Далее Н.В. Тимофеев-Ресовский работал в Свердловске (Екатеринбурге) в качестве заведующего лабораторией радиационной биогенетики и биофизики Института биологии УФАИ (ныне Институт экологии растений и животных), где создал мощную научную школу по радиационной биогенетики (радиоэкологии) и Биофизическую станцию Миассово в Ильменском заповеднике. В 1976 году его ученик и преемник Н.В. Куликов организовал Отдел континентальной радиоэкологии ИЭРиЖ при Белоярской АЭС... На этих стационарах теория о путях миграции радиоактивных элементов в биологических цепочках и способах ее блокирования проверялась практикой, что стало архивостребованным в Чернобыле. Таким образом, именно на Урале под руководством Н.В. Тимофеева-Ресовского были выполнены приоритетные в мировой науке исследования по действию радиации на биогенез (природные экосистемы)».

А вот с минимальной правкой (перевести с немецкого явно очень спешили) — выдержка из большого, прочувствованного письма из Германии (Берлин-Бух): «...Николай В. Тимофеев-Ресовский и его жена Елена являются одними из наиболее высокоуважаемых и известных ученых в мире... Совместная работа Николая с Карлом Гюнтером Цимером и позднее нобелевским лауреатом Максом Дельбрюком "О природе

Академик В.В. Парин

мутации генов и структуре генов" опубликована в 1935 году и признана началом молекулярной генетики. Центр молекулярной медицины имени Макса Дельбрюка при Ассоциации им. Гельмгольца (MDC) продолжает использовать молекулярно-генетические методы для изучения основ человеческих болезней и очень гордится своей ролью пионера в этой области. На нашем научно-оздоровительном и биотехнологическом кампусе Берлин-Бух именем Тимофеева-Ресовского названо новое здание медицинской генетики, на подъезде, где он жил, установлена мемориальная доска, а перед исследовательским зданием Тимофеева-Ресовского стоит его скульптура, созданная Стефаном Кене в 2006 году. При поддержке общества друзей и сторонников MDC в 2011 году на кампусе был представлен цикл лекций, проводимых дважды в год в честь Елены А. Тимофеевой-Ресовской...

...Выражаем решительный протест против бесчестия в адрес пионера молекулярной генетики...»

Ниже — шесть десятков (!) подписей авторитетных ученых, представляющих Леопольдину — Национальную академию наук Германии, Ассоциацию национальных исследовательских центров им. Гельмгольца (HGF), Центр молекулярной медицины имени Макса Дельбрюка, Общество друзей и сторонников MDC.

Хорошее дополнение к этому протесту содержится в обращении московских кинематографистов в пресс-службу губернатора и правительства Свердловской области (подписано гендирек-

тором кинокомпании «ТРИ «А» Юрием Бердниковым, режиссерами и сценаристами Анатолием Терентьевым и Евгенией Кононовой). Оказывается, кинокомпания «ТРИ «А», работающая на базе «Мосфильма», собирает материал для сценария художественного фильма о Тимофееве-Ресовском. И из Берлина, из мемориального музея ученого, узнав о сложившейся в Екатеринбурге ситуации, им сообщают, что «во исполнение федерального закона (имеется ввиду закон ФРГ) в 2005 году в связи с установкой в Берлине памятника ученому проводилось независимое расследование, целью которого была проверка «моральной чистоты» Тимофеева-Ресовского как на основе имеющегося в архиве Госбезопасности ГДР («Штази») дела на него, так и на основе анализа более поздних материалов и публикаций по теме..., появившихся в период с 1990-х до середины 2000-х годов. Фактов и документов, порочащих Н.В. Тимофеева-Ресовского и подтверждающих его сотрудничество с фашистами, обнаружено не было». Поступила кинематографистам и информация из Австрии, из музея концлагеря Маутхаузен (Эбензее), в котором погиб старший сын Н.В. Тимофеева-Ресовского Дмитрий, отправленный туда органами гестапо за антифашистскую деятельность и где его имя дважды увековечено на территории музея на месте бывшего концлагеря — на братском мемориале жертв фашизма и на персональном мемориале. Особо в австрийском запросе подчеркивается, что «активное участие в антифашистской

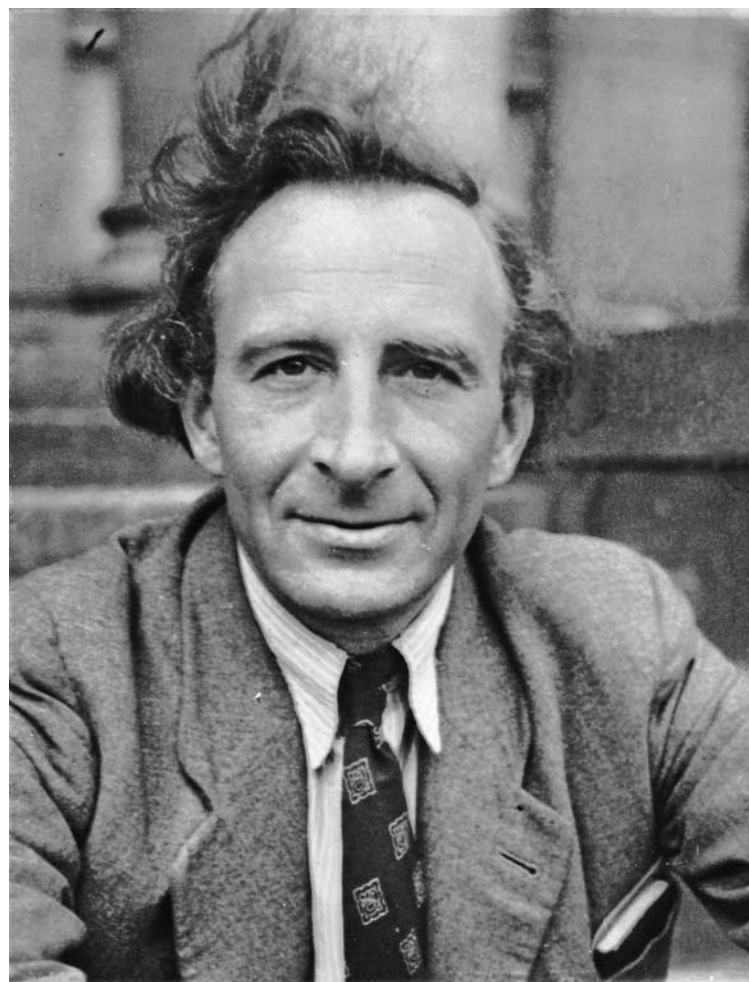
деятельности на территории Германии в 1941–45 годах не только Дмитрия Тимофеева, но и его отца Н.В. Тимофеева-Ресовского, доказано документально архивными и иными данными».

Далее — весть из Севастополя, из Федерального исследовательского центра «Институт биологии южных морей имени А.О. Ковалевского РАН» (за подписью врио директора Р. Горбунова): «Н.В. Тимофеев-Ресовский является учителем академика Г.Г. Поликарпова, основателя отдела радиационной и химической биологии ФИЦ ИнБЮМ, создавшего известную всему миру школу по радиационной морской биологии. Мы, последователи их школы, обращаемся к Администрации города Екатеринбурга с призывом сохранить название улицы...» Аналогичное письмо пришло в Екатеринбург из Таджикистана, где ученик Зубра П. Усманов основал первую в республике лабораторию радиобиологии.

А вот что пишет дочь Даниила Гранина Марина Чернышева-Гранина, директор фонда сохранения и популяризации наследия своего отца, председатель правления ИКЦ «Русская эмиграция» (Петербург): "...возмущена переименованием ул. Тимофеева-Ресовского... Столько сил и даже мужества было проявлено людьми, биологами, физиками, друзьями Николай Владимировича на его реабилитацию, жалко папину книгу и ее читателей, которые поверили автору и полюбили этого человека. Оказывается, все было напрасно, бессмысленно, если спустя сорок лет нужно начинать все сначала, снова доказывать, что мы должны гордиться Тимофеевым-Ресовским и теми, кто верил и восхищался им..."

В общей сложности по материалам, предоставленным редакции Сергеем Куликовым, который их аккумулирует, к протестам против переименования улицы уже присоединились больше 140 ученых, популяризаторов науки из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Обнинска, Дубны, из Болгарии, Армении, Таджикистана, Израиля, США, и список этот продолжает пополняться.

Что же касается имени академика Василия Парина — здесь ситуация еще более интересная. Дело в том, что Василий Васильевич, автор классических исследований рефлекторной регуляции легочного кровообращения, открывший хрестоматийный уже «рефлекс Парина», в конце тридцатых — начале сороковых годов прошлого века руководивший Свердловским мединститутом, отец

Н.В. Тимофеев-Ресовский

космической кардиологии и один из создателей Академии медицинских наук СССР, так же, как и Тимофеев-Ресовский, в свое время был объявлен советской властью «врагом народа» и осужден. Причем не на десять, как Зубр, а на двадцать пять лет! Произошло это во второй половине сороковых годов после командировки Парина в США во главе группы ученых-медиков «в порядке ответного визита на посещение СССР группой американских ученых и для дальнейшего продолжения взаимного обмена научной медицинской информацией». В феврале 1947 года академик вернулся из-за границы, через две недели был арестован как американский шпион и посажен в тюрьму. К счастью, срок свой он не досидел, в 1953 году был освобожден, а в 1955-м полностью реабилитирован. Но с точки зрения сталинской юриспруденции (как, впрочем, и с любой другой) они с Зубром были, что называется, одной кровью. Подробно об этом написал биограф Василия Васильевича и других замечательных ученых, член международного ПЕН-клуба С.Е. Резник, живущий ныне в США. И вот его устная реакция на екатеринбургские события, переданная по телефону: «Значит, «предателя» Тимофеева-Ресовского сочли недостойным и заменили на «предателя» Парина... Не думаю, что Василия Васильевича обрадовала такая замена. Я, конечно, за то, чтобы имя Тимофеева-Ресовского было возвращено улице. Но мне бы не хотелось, чтобы это было в ущерб В.В. Парину. Неужели нельзя найти другую ули-

цу для другого достойного ученого, а не сталкивать их на одной дорожке?» Что полностью согласуется с текстом открытого письма Сергея Куликова президенту Путину: «В.В. Парин всегда был на стороне Тимофеева-Ресовского и завещал это своему преемнику на посту директора Института медико-биологических проблем академику О.Г. Газенко, который опекал Н.В. Тимофеева-Ресовского до последних дней его жизни. Они бы никогда не согласились с постановлением на замену его фамилии».

А как относятся к такой перемене в Уральском отделении РАН? Ведь изначально район Академический планировался как екатеринбургский Академгородок, здесь расположены семь институтов Отделения, проживает множество его сотрудников... Красноречивей всего об этом говорит один факт: ежегодно на Общем собрании УрО, в ряду других именных наград, вручаются две премии: имени Тимофеева-Ресовского — за лучшую работу в области биологии, и имени академика Парина — за лучшую работу в области физиологии и медицины. То есть и Николай Владимировича, и Василия Васильевича уральское академическое сообщество чтит в равной степени, это эталонный уровень, к нему стремятся, причастностью к нему гордятся. Добавим, что еще в 2000 году в издательстве «Екатеринбург» вышла замечательная книга воспоминаний «Н.В. Тимофеев-Ресовский на Урале» с самыми теплыми словами в адрес пребывания Зубра в этих краях

Окончание на с. 6

Перекрестки истории

ОСТАНОВКА УЛИЦЫ ЗУБРА

Окончание.

Начало на с. 4–5 и высочайшей оценкой его вклада в интеллектуальный потенциал региона. И в разговорах с представителями руководства Отделения, учеными разных направлений, в том числе подписавших протестные петиции, ничего, кроме удивления и вопроса, озвученного Семеном Резником, услышать не удалось.

ФИНАЛ И СВЕТ В ОКОШКЕ

Пока этот материал готовился к печати, а в разные инстанции продолжали поступать письма и обращения в защиту доброго имени Тимофеева-Ресовского, из екатеринбургской мэрии на

запрос Сергея Куликова пришел официальный ответ за подписью начальника департамента общественных связей М.Н. Леоновой. В нем, в частности, разъясняется:

«Обращаю Ваше внимание на то, что в проекте планировки территории жилого района Академический установлены проектные наименования. Наименование «Тимофеева-Ресовского» для улицы... является условным и официально топонимическому объекту не присваивалось.

В Администрацию города Екатеринбурга неоднократно поступали предложения рассмотреть вопрос о присвоении имени «Академика Парина» улице с проектным наименованием «Тимофеева-Ресовского»...

Комиссией по переименованию топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург»... большинством голосов принято положительное решение по данному вопросу в связи с большим количеством поступивших обращений... и необходимостью присвоения адресов жилым домам...»

То есть точка в этой эпопее на сегодняшний день поставлена — официально, в соответствии с региональными регламентами, и жители Академического, наконец, получили желанные адреса. Академик Парин переиграл Зубра, о чем не только не мечтал при жизни, но от чего, скорее всего, только расстроился бы. Но вопросы остаются: зачем было изначально «сталкивать на одной дорожке» двух выдающихся ученых, устраивать между ними некую конкуренцию? Особенно сейчас, когда идет

борьба с опаснейшей пандемией, к пониманию фундаментальных основ которой в той или иной степени человечество приблизили оба, Тимофеев — прежде всего? К тому же в год 75-летия Великой Победы, которая ковалась не только на полях сражений и на тыловых предприятиях, но и в таких местах, которые не снились и врагу. И вдобавок тогда, когда предполагается изменение нашей Конституции с поправкой о том, что «Российская Федерация... обеспечивает защиту исторической правды». Такая правда далеко не всегда столь однозначна и прямолинейна, как ее часто представляют. И пора ее уже с самого начала писать набело, чтобы потом без конца не переписывать. Тем более многие из нас — и в Екатеринбурге, и в других городах — до сих пор живут на улицах имени персонажей, «неоднозначность» и даже

разрушительность роли которых в нашей истории давно очевидна, но менять эти названия никто не торопится.

Впрочем, финал ответа из мэрии вселяет оптимизм: «Учитывая большой вклад Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского в развитие науки, вопрос о присвоении его имени одному из топонимических объектов ... муниципального образования «город Екатеринбург» может быть рассмотрен на заседании Комиссии в установленном порядке».

То есть петиции и обращения писались не зря, перспективы на топонимическом поле уральской столицы у Зубра есть. А остановка транспорта с вывеской «Академика Тимофеева-Ресовского», с которой все началось, так и осталась без изменений. Ждет пассажиров.

Андрей ПОНИЗОВКИН